В.Р. Арсеньев

О СВЯЗИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ, АКТУЛЬНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Чем более уходит в прошлое наследие XX в., чем далее оказывается вне научного и мировоззренческого оборота опыт отечественного обществоведения советской эпохи, тем непонятнее становится дискурс и проблемное поле того времени для ныне действующих или входящих в науку ученых. Подобное положение, может, и выступало бы естественным и нормальным для логики смены научных парадигм, если бы на замену одной целостной научной картины мира пришла другая, не менее объемная и всеобъемлющая. Однако этого нет, причем не только в российской, но и в мировой исследовательской практике. Есть только доминирование эмпирических работ, мелкотемье и тенденция перевода поиска в область совершенствования структурной ясности и однозначной простоты категориального аппарата. Кратко оценивая ситуацию, нужно признать сегодняшнее общее состояние гуманитарной науки — и в нашей стране, и за рубежом — как своеобразный «застой» или, используя экономический термин, — «рецессию». Но, стремясь к большей лояльности и к корпоративному согласию внутри профессии, можно сказать, что наука взяла большую паузу и занята как бы перегруппировкой сил и средств. Иными словами, идет дополнительное накопление материала, но уже с более или менее скрытым или явным скептическим отношением как к самому способу сбора, так и к интерпретации этого нового материала, а равно — и ко всему его ранее накопленному багажу.

Именно на таком этапе общекультурного и, в частности, познающего процессов особое значение приобретает мифологизирующая сторона и функция науки. Поначалу это походит на «разоблачение» прежних «мифов» и стереотипов научного мышления, на критическое переосмысление прошлого науки путем научной реабилитации неправомерно забытых ученых и научных направлений. В условиях нашего общества, истории отечественной науки велико число ученых, к тому же еще и насильственно «выведенных» из познающего процесса репрессиями или тенденциозными, предвзятыми увольнениями, созданием обстановки изоляции и нетерпимости, игнорированием научных работ простым умолчанием и наложением табу на ссылки. Такой путь испытаний про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

шли многие выдающиеся ученые и мыслители даже в рамках одной только этнографической науки. Чего стоят имена Л.Н. Гумилева, Ю.В. Кнорозова, В.М. Мисюгина и многих других!

Необходимо отметить, что для критического переосмысления такого объемного наследия требуются и гигантские усилия, и огромная эрудиция людей, которые берут на себя подобный труд. Требуется непредвзятость, способность не поддаваться оценочным и прочим стереотипам, ставшим непререкаемой составляющей научной парадигмы, а по сути — действующей «научной мифологемы». К тому же, часто такой труд оказывается и вполне неблагодарным, особенно если пересмотр наследия идет на формальной или интуитивной основе. И это — результат того, что концептуальный прирост либо не достигается, либо настолько незаметен, что и авторы таких разработок с трудом осознают далекие цели своих исследований, а нередко и считают, что в таком рутинном «перелопачивании» материала и есть смысл научной деятельности. Однако проходит время, количество вопросов, обращенных к прошлому, а равно — и объемы неадекватных задаваемым вопросам ответов приводят к осознанию, что в научной традиции что-то весьма радикально — не то. И рано или поздно появляются контуры парадигмы, дающей объяснение «нестыковкам» в рамках нового целостного видения предмета и объекта исследований. Возникает новый «миф», который до поры до времени станет восприниматься как безусловное и объективное знание. А потом все опять подвергнется переосмыслению. И это — неизбежность! Но такой процесс требует не годы, а десятилетия и поколения ученых, готовых к упорному и зачастую самозабвенному труду.

Итак, в процессе такой огромной работы с до поры до времени мало определенным и определимым результатом формируется и формулируется новый миф, но мифологизируется — на более или менее протяженную перспективу — и занятый этим процессом ученый. От него требуется и значительная отвага для занятия тем, что может смотреться как маргинальность в основном круге проблем «актуальной» науки, для которой «воскрешение» отвергнутых имен и идей, как правило, смотрится поисками в «выгребной яме истории». Ибо утвердившееся в системе знания позитивистское мировоззрение опирается на однонаправленность времени и исторического процесса, а соответственно и — на оправдание состоявшегося «естественного отбора» истинного и ложного багажа науки. Противостоять этой убежденности (или непререкаемому массовому заблуждению) крайне непросто. Тем более что и возврат в оборот отвергнутого историей материала само по себе дело рискован-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

ное. Оно могло оказаться пустяковым по результату, давая лишь второстепенные по значимости детали. Но оно же могло привести и к неизбежности пересмотра всей парадигмы науки. А это — не каждому исследователю под силу не только по причине его профессионального знания и метода, но и по решимости, осознанному и волевому стремлению к последовательному воплощению предпринятого научного эксперимента. Идущему на такой нетипичный способ самореализации в системе науки ученому крайне необходим уже признанный позитивный статус в «классической» парадигме действующей системы знания. Но только масштабность, авторитет, результативность и сопутствующая им «научная и личностная харизма» в состоянии «легитимировать» подобное исследовательское направление. Но они же служат, в случае эвристической оправданности, мифологизации не только возвращаемых в оборот имен, но и имени самого исследователя как своеобразного «демиурга».

Александр Михайлович Решетов относился к числу тех людей в науке, кто и дает повод и основание для приведенных только что рассуждений. Слово «относился» с равным успехом могло бы оказаться замененным на «относится». Основанием для этого служила бы хотя бы та причина, что, несмотря на свой уход, он еще долго будет востребован в научных изысканиях. И это — по меньшей мере из-за разнообразия тем затронутых в его исследованиях, из-за фантастического обилия материалов — как заново введенных им в оборот науки, так и — возвращенных в этот оборот. В этом смысле он фигура уникальная, энциклопедичная. Казалось, А.М. Решетов знал все и вся и ревностно, дотошно пытался не допустить пустот, лакун в этом знании. Он имел свои пристрастия, но при этом стремился закрепить в коллективной научной памяти имена всех, кто дал основания быть причисленным к сонму ученых. Он творил миф о науке, которой не было, но которой, по справедливости, следовало бы быть такой. В конце концов, еще не уйдя из жизни, он и сам превращался в миф.

С уходом же это стало неизбежным. Давно сказано: «в России любят ушедших». И этому есть, в частности, простое и удобное объяснение: из них можно лепить любой миф. Сами они уже возразить не смогут. Однако порой еще живому ученому воскуряемый после его ухода фимиам был бы крайне необходим. Например, он мог бы придать силы и уверенность для концептуального прорыва, решительности действий, способных существенно повлиять на дальнейший ход процессов в научном сообществе. А так — по-человечески, естественная тяга к покою, компромиссам, отсутствие выраженного общественного ожидания ско-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

вывают волю, побуждают к мимикрии, имитации активности на вторичных направлениях, к скрытым, но неполновесным действиям на магистральных. И, как результат, это ведет все к тому же «застою» либо к его мнимому образу, сохраняющему пока все на своих местах. Но будет ли это «потом», знать не дано. Да если и будет, найдутся ли те, кто правильно понял твои ожидания, твои прозрения, твои догадки. Когда-то яркий отечественный африканист Л.Е. Куббель сказал в устной беседе, что «историография науки требует на самом деле наивысшего профессионального полета». Он имел в виду, что для исторически оправданной и достоверной оценки того или иного ученого, для выявления и оценки вклада в национальную и мировую культуру научных школ требуется как минимум не меньший уровень профессионализма и вклада в науку со стороны задающихся этой проблемой, чем у тех, чей вклад подвергается оценке. Думаю, что с этим трудно спорить, но осознание такой соизмеримости возможно только при наличии опыта самостоятельной исследовательской деятельности и обретения свободы и видения «горизонтов» в ней. В противном случае сочинения историографического характера превращаются в простые рефераты, более или менее достоверные изложения чужих сочинений и идей. При этом и здесь степень достоверности изложения находится в прямой зависимости от компетентности реферирующего, от его способности видеть лес за деревьями, обобщать.

Говоря о А.М. Решетове, надо подчеркнуть особый смысл, заключенный в самом названии этого текста: связь актуальной, фундаментальной и практической этнографии. С одной стороны, это, казалось бы, методологические «азы», тривиальности. Для периода формирования А.М. как ученого это было еще и непреложное требование, определяющее принадлежность к корпусу профессионалов-этнографов. На соблюдении связи внутри этой триады применительно к конкретным исследованиям настаивала не только господствовавшая в СССР 1950–1980-х гг. идеология. Любой мало-мальски масштабный исследователь, ставящий заметные задачи общего характера, занимающийся социальной и культурной компаративистикой, осознавал и сам необходимость обращения к проблемам метода, к общим принципам понимания исторического и культурного процессов, испытывал потребность постигать теорию и работать как над приложением ее к конкретике, так и над совершенствованием самой теории. В те времена это воспринималось как само собой разумеющееся. Была целостная концепция, была убежденность в необходимости ее оптимизировать, был императив внедрения обретенного знания и в сферу преподавания, воспроизводства кадров,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

и в сферу управленческой практики. Ведь сама этнографическая наука в те годы ставила своей задачей не быть только одной из форм отражения, замкнутой на создание непротиворечивых и внутренне согласованных построений на базе закрепившихся в основном корпусе источников материалов. Она стремилась служить основой для исправления ошибок в организации социальных и культурных процессов, а также предлагать и конкретизировать наиболее бесконфликтные варианты для проведения преобразований общества на макроуровне. Для этнографии, занимающейся зарубежными народами и странами, имелась еще и задача содействовать оптимизации отношений СССР с этими народами и странами. Следует подчеркнуть, что это было весьма целостное и вполне гармоничное состояние обществоведческих дисциплин и самой этнографии. У которой были серьезные недостатки, сводящиеся ко все более проявляющейся догматизации базовых постулатов, формализации терминологии и рассуждениям на терминологическом уровне, а не в рамках критики материалов и оперирования этими материалами, определения сущностных сторон рассматриваемых процессов и феноменов. Эта догматизация как раз и вела к накоплению теряющего контроль потенциала неадекватности общих воззрений их предметному и объектному соответствию, т.е. самой общественной действительности и общественной практике.

Надо ли уточнять, что в формировании упоминаемой «монолитности», единства видения задач и способов научного исследования свою роль в те годы играли не только «очевидные преимущества» господствующего метода, но и «экстранаучные» методы нивелировки и достижения «единообразия». И идеализация этого периода таит не меньшие искажения и опасности — как для науки, так и для общественной практики, чем полное отрицание достижений, позитивного исторического вклада ученых той эпохи.

А.М. Решетов полностью соответствовал противоречивому характеру выпавшего на его долю отрезка отечественной истории. Он был и равно целостен, и равно противоречив. По масштабу личности, по организаторским, волевым, лидерским способностям он вполне мог бы стать членом Академии. Но, увы, он не стал даже доктором наук. И причиной тому — не отсутствие работоспособности или недостаток масштабности научного мышления. Как следует из других материалов этого же сборника, была эрудиция и понимание задач науки, были идеи, опережавшие свое время либо шедшие в ногу с самыми авангардными исследованиями в нашей стране и за рубежом. Был несомненный авторитет среди отечественных и зарубежных ученых. Но и была излишняя

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

осторожность, склонность к «аппаратным играм», к стремлению делать правильные шаги исподволь, облекать формулировки в вуаль слов и оговорок с не вполне очевидным смыслом. Скорее всего, дело — в научной политике, в том, что для такого крупного специалиста и грамотного организатора науки, каким был А.М. Решетов, вопрос о «докторстве» упирается в вероятность или невероятность консенсуса по поводу самого конкретного лица, на эту степень претендующего. А он всегда в обозримом прошлом был фигурой, по поводу которой консенсус более чем проблематичен. Он и так был одной из самых влиятельных фигур в отечественной этнографии. «Доктором» же он со своим общественным темпераментом выходил бы на круги той «научной элиты», которая делала политику Академии наук и для которой сам он мог стать крайне неудобным партнером.

К этому следует добавить, что в отличие от «академической моды» на идеологическую фронду, на умолчание концептуальной и методологической базы исследований, все более и более распространявшейся по мере «окостенения» основных обществоведческих догм, А.М. Решетов весьма последовательно и — на определенный момент (конец 1980-х гг.) — неосмотрительно долго придерживался теоретических принципов исторического материализма. К последним годам существования СССР это уже признавалось «дурным тоном» и тем более если об этом говорилось публично, если критика авторов, уходящих от методологической связи с диалектическим материализмом, могла пониматься и как обвинение в отказе от «научности» самого метода.

Впору напомнить, что исторический материализм как приложение метода диалектического материализма к обществоведческой и культурологической проблематике выступал не только в СССР и странах социалистического лагеря, но и в марксистских интеллектуальных и политических кругах западных стран как целостное, системное видение общественной реальности, как понимание ее в иерархии, во взаимосвязи и во взаимообусловленности выделяемых в процессе познания сторон этой действительности, всех звеньев этой иерархии. А.М. Решетов принимал этот метод не только как рабочий и уж тем менее — как конъюнктурно необходимый. Он принимал его как единственно способный дать путеводную нить для понимания, объяснения и прогнозирования происходящего в мире — в единстве природного и социально-культурного многообразия человеческого существования. Это была не только привычка, но и вполне искреннее убеждение. Могло ли это раздражать? Да, несомненно! Но на то он и был бойцом, да и таковым себя мыслил. Ибо без бойцовских качеств ученого, постигшего какую-то реальность,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

его «правда» никому не будет нужна. Научная правда далека от банальной очевидности, т.к. она лежит не в сфере видимого, формального, но в сфере осознанного, сокрытого, сущностного. И тут — споры неизбежны, и рукоплескания первооткрывателю вряд ли возможны. «Наука умеет много гитек!»

Но, в свою очередь, следует отметить, что наука (ученые) должна быть заинтересована во введении в свой оборот множества вариантов видения, множества позиций, множества теоретических и методологических установок. Но сопоставление и комбинация их не должны стремиться к чему-то усредненному либо к причудливому нагромождению разнородных элементов. Кроме эклектической какофонии на выходе ничего не получится. Должное же стремление к новой целостной и гармоничной картине бытия, в том числе и общественного, равной по масштабу охвата историческому материализму, пока не наблюдается. Пока лишь намечаются некоторые контуры возможного поиска. При этом уместно отметить, что принцип дополнительности существующих больших интеллектуальных потоков представляется предпочтительным по отношению к ранее господствовавшей тенденции радикального отрицания альтернативы. И именно так, к примеру, следует относиться ко всего лишь видимой альтернативе и антитезе формационного и цивилизационного подходов к восприятию исторической динамики человечества. Ведь как общество не существует вне культурных форм самореализации, так и культура не возможна вне той среды, которой она служит средством оформления, регламентации и чувственно данной определенности бытия, его образной данности, его фиксируемым проявлениям. Ведь без явленности в культурно определенных формах эта реальность, каковой выступает общество, просто оказывалась бы вне нашей способности ее замечать.

А.М. Решетов принадлежал к тому поколению ученых-этнографов, для которого профессионализм во многом определялся активным владением основными положениями исторического материализма, с одной стороны, и академизмом, «фундированностью» научных текстов — с другой. Скажем, проблематика эволюции архаического общества, формирование иерархических социальных структур, проблема генезиса классов, разные варианты формирования государства как формы организации общества, исторические типы государства, особенности проявления государства в обществах с многоукладной экономикой и т.п. Такие типичные для проблематики исторического материализма темы были органичны для его профессионального мировоззрения. Будучи по образованию и по специализации китаистом-этнографом, А.М. Решетов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

приобрел обширный опыт полевой и кабинетной работы как в Китае, так и в сопредельных культурно-исторических и природных пространствах. Монголия, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Кавказ дополняли и расширяли его профессиональное мышление, обеспечивая обильный материал для компаративистских наблюдений и исследований. Но именно в этой тематической, а с ней — и методологической заданности проявляется непременная связь фундаментальной и актуальной этнографии. И это — потому, что актуальная этнография действует в рамках круга проблем, вопросов, представляющих концептуальную значимость, запрос данной эпохи, соответствует мировоззренческому императиву, исходящему от осознанных, и нет потребностей самого высокого уровня иерархии общественной системы в данном ее состоянии.

В свою очередь, этот «запрос», осознанно или нет, адресованный науке, отвечает — прямо или косвенно — потребностям практики. Бывает, что ученый, по собственному же убеждению, занимается проблемами, весьма далекими от видимой практической приложимости. Однако это вовсе не означает, что «общественная практика» здесь не причем. Часто видимо отвлеченные построения делаются «впрок», на будущее. Но порой они возникают и как повод индивидуального ухода ученого от клише мышления, от действующей реальности. Они невольно могут служить и средством массового отвлечения от этой реальности, и — инструментом возможного преобразования ее.

Впрочем, А.М. Решетов должен быть с безусловностью отнесен к разряду «государственников». С одной стороны, это подразумевает высокий уровень социальной ответственности ученого. С другой — сам А.М. Решетов был убежден в непреложной ценности «государства» как формы общественной организации, в необходимости укрепления государства, приоритете общественных ценностей по отношению к индивидуальным. Но как последовательный сторонник исторического материализма он еще и настаивал на «обратной связи»: на необходимости того, чтобы общество выступало как гражданское, а государство — как правовое. Собственно, это и есть демократические ценности! Из отечественной же истории нам хорошо известно, что проблема обеспечения этого единства общества и государства всегда стоит в нашей стране крайне остро. В известной мере его работа над восстановлением подлинной истории отечественной этнографической науки выступала и как стремление на практике утвердить этот фундаментальный демократический принцип единства «человека и общества», «гражданского общества» и «правового государства».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН

Как бы ни относиться к личности, идеям и наследию А.М. Решетова, его профессиональный опыт, жизненный путь служат весьма ярким подтверждением эвристической ценности утверждения о непреложности единства фундаментальной и актуальной науки, об обусловленности их прямыми и опосредованными, ближайшими или отдаленными потребностями общественной практики. Критерием же истинности знания на данный конкретный момент выступает его практическая и эффективная приложимость к нуждам и ожиданиям общества. Но, как и сама практика, «истина» также оказывается подверженной испытанием временем, т.е. той же практикой, но в более протяженном временном измерении. И определению этих трансформаций и трансфигураций «истины», собственно, и должна служить наука.

***

Арсеньев В.Р. О некоторых истинных и мнимых тупиках общественных наук в свете африканистики // Африка: культура и общество (исторический аспект): Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам Африки, Санкт-Петербург, 4–6 мая 1994 г. М., 1995. С. 5–15.

Арсеньев В.Р. Свод основных понятий этнософии. Le repertoire des notions principales de l'Ethnosophie. СПб., 2006. 94 с.

Арсеньев В.Р. От «Ленинградской школы африканистики» к исторической социономологии (на путях преодоления концептуального кризиса гуманитарных наук) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 258–263.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-191-6/
© МАЭ РАН